
Философское осмысление веры и религии в условиях постсекулярного мира: от «странничества» И.В. Гёте – к «религиозному консьюмеризму»

© 2021 г. О.Н. Шадрина

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Архангельск, 163002, наб. Северной Двины, д. 17.*

E-mail: shadrina.olga@narfu.ru

Поступила 07.03.2020

Статья посвящена философскому осмыслению веры в условиях постсекулярного мира в контексте феномена «межконфессионального странничества»: от гуманизма Ренессанса и Просвещения (И.В. Гёте) – до «религии мирян» и «религиозного консьюмеризма» в философии постмодерна. Модель индивидуальной религиозности Гёте в условиях вызова традиционным конфессиям (миграционный кризис) и распространения постсекулярной, «бедной теологии» в глобальном масштабе в качестве мировоззрения либерально-демократического общества («экзотические церкви», евангелики, харизматы и др.), а также процесса психологизации, даже мифологизации традиционных религий, движения к «религии без благодати», может стать искомой альтернативой, представляющей собой баланс между традицией и новацией; а религиозно-философское мировоззрение Гёте, концептуально осмысленное, – новым горизонтом философствования после «пост-» философии.

Ключевые слова: постсекулярность, вера, христианство, Гёте, странничество, религиозный консьюмеризм.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-101-112

Цитирование: *Шадрина О.Н.* Философское осмысление веры и религии в условиях постсекулярного мира: от «странничества» И.В. Гёте – к «религиозному консьюмеризму» // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 101–112.

Philosophical Review of Faith and Religion in the Conditions of the Post-Secular World: from J.W. Goethe's *Wandering to Religious Consumerism*

© 2021 Olga N. Shadrina

Lomonosov Northern (Arctic) Federal University,
17, Severnaya Dvina emb., Arkhangelsk, 163002, Russian Federation.

E-mail: shadrina.olga@narfu.ru

Received 07.03.2020

The article is devoted to the philosophical understanding of faith in the post-secular world in the context of the phenomenon of *interfaith pilgrimage*: from the humanism of the Renaissance and Enlightenment (Goethe) to the *religion of the laity* and *religious consumerism* in the philosophy of postmodernism. Goethe's model of individual religiosity in the face of challenges to traditional faiths (migration crisis) and the spread of post-secular, *poor theology* on a global scale as the worldview of a liberal democratic society (*exotic churches*, evangelicals, charismatics, etc.), and also the process of psychologization, even the mythologization of traditional religions, the movement towards a "religion without grace" can be the sought-after alternative, which is a balance between tradition and innovation; and the religious and philosophical worldview of Goethe, conceptually meaningful, is the new horizon of philosophizing after the *post-philosophy*.

Keywords: post-secularity, faith, Christianity, Goethe, wandering, religious consumerism.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-3-101-112

Citation: Shadrina, Olga N. (2021) "Philosophical Review of Faith and Religion in the Conditions of the Post-Secular World: from J.W. Goethe's *Wandering to Religious Consumerism*", *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2021), pp. 101–112.

Введение

В современной гуманитарной науке, отражающей в концепте постмодернизма существующий социально-политический и экономический уклад мира, глоболизирующегося по западноевропейскому образцу, заключен «усредненно-просвещенческий», секулярно-консьюмеристский идеал [Тернер 2012], отнюдь не гуманистический (как хотелось бы видеть защитникам дезаксиологического, псевдообъективного подхода) идеал «внерелигиозного» или «пострелигиозного» человека, в прямом смысле «мирянина», приспособленного к жизни в «пост-традиционной» («нетрадиционной») империи пост-современного глобального мира [Смирнов 2011]. Этот антропологический образ был удачно сформулирован А.Н. Радищевым – представителем эпохи Просвещения в России: человек вообще – хамелеон, и, например, мусульманин – это (любой) человек, живущий в мусульманском обществе, приспособившийся к мусульманскому укладу жизни [Радищев 1938, 199–200].

Сегодня некоторые протестантские теологи утверждают, что после Второй мировой войны возможно только «безрелигиозное христианство» (Д. Бонхёффер). Абстрактно-философский взгляд на религиозную веру утвердился в секулярном обществе XX в., умалившего значение «фактора религии» настолько, что «возвращение религии в политику (публичную сферу)» рассматривается как «непредусмотренный»

научной теорией феномен [Штёкль web]. Однако, как отмечают Р. Рорти и Дж. Ваттимо, в Новейшее время происходит новое рождение религиозного сознания: возвращаются традиционные религии, возникают новые религиозные течения. В ряде регионов мира стали усиливаться неофундаменталистские религиозные движения [Самедов 2017]. Вопреки прогнозам, потребность человечества в религии не только сохранилась, но и благодаря современным вызовам (глобализации, миграционному кризису, вооруженным конфликтам) стала еще более острой. Тезис о секуляризации, согласно которому ожидалось, что религия будет приходить в упадок в ходе прогрессивной модернизации обществ, оказался ложным [Штёкль web]; по выражению П. Бергера, мир остается «таким же яростно религиозным, каким был всегда» [Berger 1999, 77].

В постновойшей философской науке устанавливается постсекулярный взгляд, но при этом секулярность общества не отвергается, просто религия больше не рассматривается как пережиток прошлого, как «ложный» тип сознания, религии отводится законное место и роль в публичной сфере [Кузьмина, Фазлеева, 2017]. К чертам постсекулярного западноевропейского мира можно отнести: 1) институциональное разделение церкви и государства; 2) нерелигиозность значительной части общества; 3) «мирскую ситуацию», в которой религия мыслится как вариант не самого легкого пути к обретению жизненных ориентиров. Одно из самых очевидных проявлений секуляризации – «кризис правдоподобия» в религии. Человек сталкивается с большим разнообразием религиозных и иных сил, предлагающих определения реальности. «Между секуляризацией и плюрализмом обнаруживается глубокая связь... Почти на всем протяжении человеческой истории религиозные установления существовали в обществе как монополии – то есть обладали монополией на высшее обоснование как индивидуальной, так и коллективной жизни» [Berger, Luckmann 1966, 73]; см. также [Berger 1963; Luckmann 1967]. Когда-то «оба института (церковь и империя в западноевропейской модели пре-модерна. – О.Ш.) воплощали один и тот же религиозный мир... Однако с того момента, как было нарушено единство христианства, начался процесс, который значительно облегчил его дальнейшее раздробление; постепенно... этот процесс породил широкую терпимость к религиозному инакомыслию как на протестантских, так и на католических территориях» [Berger web].

Результатом процесса «дробления истины» стало «забвение истины» («отказ от истины») и философское упорство в отстаивании «слабой теологии» в постмодернистской теории деконструкции (Ж. Деррида). Отступление от концепта «многообразия религиозных истин» стало синонимичным отказу от демократии, образцом которой для Европы и мира стала Америка. Именно там «установилась система конфессий (деноминаций), основанная на взаимной терпимости... Деноминация американского типа иногда определяется как церковь, которая должна примириться с постоянным присутствием и конкуренцией других церквей на ее территории» [Там же]. «Выживание» деноминации связано с эффективностью ее функционирования. Католическая Церковь также должна осуществлять «эффективное миссионерство», наряду с протестантскими церквями, то есть рационализировать собственную структуру, что выражается в бюрократизации.

Бюрократия функционально сходна во всех религиозных и светских институтах – отсюда нивелировка теологических различий и далее либерализация (в том числе догматов), процесс, весьма похожий на опыт «бедной религии», переживаемый современной Россией. Конструирование «собственной веры» на обломках мира «без Бога» есть философский идеал постмодерна. На наш взгляд, эта методологическая концепция не является перспективной для анализа феноменов веры, религии, церкви, так как основана на материалистской «картине мира» или «либерально-демократической», исходящей из аксиомы экономического диктата, детерминирующего социо-культурную и социо-политическую сферу. И прежде всего это не убедительно для граждан, исповедующих традиционные религии. По данным исследования «Положение веры» (*State of the Faith*), осуществленного британской благотворительной организацией Premier Christian Media Trust в 2017 г., из 12 тысяч христиан Соединенного Королевства

93% (в большей или меньшей степени) согласны с утверждением, что «христианство маргинализировано в обществе»; 80% христиан не согласны с утверждением, что «христианство получает в обществе такое же уважение, как и другие религии и мировоззрения»; 67% респондентов уверены, что общество настроено против распространения христианской веры ее адептами; 50% христиан испытали предубеждение против своей веры, причем предрассудки против христианской веры больше всего (70%) затронули молодежь; 26% опрошенных заявили, что они не могут открыто объявить о своей вере на работе. Граждане Великобритании заявляют, что подвергаются дискриминации по религиозному признаку, прежде всего на работе: например, Тим Фэррон, лидер либеральных демократов, ушел в отставку, заявив, «что быть политическим лидером – особенно прогрессивной, либеральной партии в 2017 г. – и жить как преданный христианин, честно придерживаться учения Библии, для него стало невозможным» [Позняк web].

Таким образом, постмодерн сам стал претендовать на тотальное преобразование и объяснение мира в соответствии с собственным видением, приходя к самоотрицанию. Целью нашего исследования является изучение религиозной модели «странничества» И.В. Гёте как альтернативы постсекулярной философской религии постмодерна. К исследовательским задачам относятся: 1) выявление особенностей религиозной жизни в обществе постмодерна (на примере европейской и российской действительности), 2) выявление концептуальной преемственности идеи «разнообрядной церкви» в философии постмодерна; 3) анализ «ответа» деноминаций на европейский миграционный кризис; 4) анализ концепта «истина» в философии постмодерна.

Методология

XXI в. стал эпохой, когда «в условиях повышенных рисков современности религиозная тематика, религиозные идеологии, религиозные институты как аттаркторы политической риторики и социальных практик становятся актуальными и «ощущаемыми» в повседневной жизни, в социальных срезам, в межличностных отношениях, поэтому вывод религии за скобки социально-философского анализа видится непродуктивным. П. Бергер прав, когда говорит о тотальной рационализации, запущенной модерном и продолженной постсекулярным постмодернизмом: «Всякие попытки традиционалистской “реконквисты” угрожают, таким образом, подорвать рациональные основания современного общества» [Бергер web].

Позитивисты верят в силу научной рациональности, но и постмодернисты тоже. Утверждение тотальной «конфессиональной нейтральности» в преподавании философии, когда люди «оберегают свою философскую мысль от любого религиозного заражения» [Жильсон 1995], переместилось из стен университетов в социальную и политическую сферу постмодерна. Теперь уже в традиционной конфессиональной политике суверенных государств начинают видеть «скрытую пропаганду» (например, либералы критикуют «христианскую конституцию» Венгрии 2012 г., ощущается сопротивление попытке России отстоять «традиционные ценности» на международной арене. Символической «инквизиции позитивистов» Э. Жильсон противопоставляет подлинно свободные и человеческие образование и политику, которые опираются не на априорность теистической или атеистической веры, но на априорность права личности на свободное духовное самоопределение. При таком подходе индивиду не следует доказывать «право на традиционное мировоззрение», а государству на собственный цивилизационный путь, воспринимаемый как гармоничное сочетание традиции предков и собственного творчества.

Проблема «истины» в философии постмодерна

Р. Рорти и Дж. Ваттимо утверждают, что возможна религия постмодернизма как современное мировоззрение, основанное на постмодернистской философии. Эта религия не может исповедоваться широкими массами населения, но именно она соответствует

духу времени [Rorty, Vattimo, 2005]. Постмодернисты считают религию продуктом человеческого мышления и отвергают существование Бога. Главным условием для такой религии является вера вне догм, основанная на синкретизме и эклектизме. Интересный пример такой религии приведен в книге Р. Беллы «Обычаи сердца» – «шейлаизм» по имени некоей девушки Шейлы, которая создала себе частную религиозную вселенную со своей системой верований, заимствовав элементы христианства, буддизма и эзотерических учений и соединив их вместе.

Теология без догматики – не новое явление в религиозной философии. Она ведет происхождение от католического модернизма XIX в., прежде всего от теории «догматического развития» кардинала Джона Генри Ньюмена (1801–1890). Сутью теории является идея онтологического динамизма христианства: конкретно-исторические, ритуально-обрядовые формы христианства непрерывно меняются, а «идея» (духовная основа) остается незабываемой, отсюда – установка на обновление религии и церкви. В свою очередь, идея имеет истоком грезы гуманистов эпохи Ренессанса о «единой разнообрядной религии». Философы полагали, что мысленное «межконфессиональное странничество» – единственно верная позиция образованного, свободного человека, творчески мыслящего и, как правило (в Западной Европе XIV–XV вв.), исповедующего христианство. Убежденность в том, что в основе всех «исторических» вер и мифологий лежит Ум как высшее проявление Абсолюта, открывавшего Истину посвященным через пророков, среди которых – Моисей, Сократ, Платон, Иисус Христос и др., и что Ум по природе своей везде одинаков (божествен), привела к рациональному выводу, что веры/религии различаются (как и народы) только внешним (одеждами, ритуалами, исторически и территориально обусловленными), а следовательно, «внешнее» можно игнорировать ради внутреннего, «истинного». Просвещение XVIII в. вернулось к ренессансным представлениям Николая Кузанского, выступая за «идентичность религии во всех ее разнообразных культовых отправлениях и несмотря на все различия и противоречия идей и мнений» [Кассирер 2004, 187]. Гуманисты открыли путь «спекулятивной», без-образной вере, которая воплотилась в «самоотрицании» Ренессанса – протестантизме: полностью субъективной, умозрительной вере (грубое иконоборчество сопровождало установление власти «реформированных» церквей). «Деление церкви» само по себе уже являлось догматическим нарушением, ибо канонически существует только одна христианская Церковь от Начала до Конца Времен. Дробление христианской церкви, обновленчество, наконец, нигилизм и атеизм в Советской России – вот итог эволюции идеи «церкви вне таинств». В постсекулярном пространстве «бедной веры» [Эпштейн 2013, 21], господствующей в современной России с 1990-х гг., ревитализация религии происходит в форме веры без конкретной конфессиональной идентичности, не обремененной институционализацией, догматикой и обрядовой стороной [Фазлеева 2016]. Истина в философии модерна и постмодерна стала зависеть от мировоззрения познающего человека, стала относительной категорией. Множество деноминаций не могут свидетельствовать об универсально-важном в постсекулярном обществе, поэтому ценность религии рассматривается через практическую деятельность на благо общества, а не в теоретических богословских утверждениях («В начале было Дело», как говорит Фауст у Гёте).

Ренессанс верил в Бога и Человека, Просвещение XVIII в. верило в Человека, вынося «идею Бога» за скобки (деизм), Новейшая эпоха (Модерн) – секулярная – продолжала верить в «Сверхчеловека», Постмодерн – «постсекулярное Просвещение» – не верит, не собирается возвращаться к пре-секулярному миру, провозглашая ценностью «недогматизированной современности» «право каждого на свободу: свободу мысли, веры, сомнения», следствием чего является возникновение множества конкурирующих верований и практик, «и мы должны предпринять все мыслимые усилия, чтобы дать им место, позволить цвести всем цветам. В том числе и цветам религии» [Капуто 2011, 202].

Ф. Ницше – всё еще последнее слово в радикальной западной теологии, которая мужественно учит человека жить в отсутствие Бога, стараясь соблюдать оставленный в наследство порядок и дисциплину. И.В. Гёте предвидел этот поворот Нового времени и сожалел о такой перспективе [Кон 2005; Гёте 1978; Гёте 1979; Гёте 1949, 393;

Шадрин 2010, 25, 108–139, 204]. Российская действительность усугубляется опытом «Ничто», к которому сознательно движется западноевропейский постмодерн, и перспективой для него является та же «бедная религия», однако без взыскующей веры. «Вот в этом разрыве между верой и вероисповеданиями и возникает бедная религия, не имеющая ни устава, ни книг, ни обрядов»; «ее можно назвать религиозным модернизмом или экуменизмом» [Эпштейн web]. В СССР христианская традиция и Русская Православная Церковь все-таки сохранились, поэтому мы не вполне согласны с выводом о «вере с нуля», что дает надежду на религиозное возрождение в России.

«Кризис церкви» или «кризис веры» в «эпоху мирян»?

Мир глобальной пост-традиционной империи Pax Americana – это мир потребителей товаров и услуг, мир «среднего класса». «Мир потребителей... есть секуляризованный мир»; в нем все труднее становится отстаивать религиозную традицию как неизменную истину. Граждане мира («миряне», живущие по закону «сего мира», мобильные, не привязанные к традиции, к «корням», космополиты, «странники») «предпочтут религиозные продукты, которые возможно согласовать с их секуляризованным сознанием, тем, которые такого согласования не допускают» [Бергер web].

С точки зрения философии постмодерна, если человек не признает традиционалистские догмы, то соблюдать их он и не обязан, отсюда такие явления, как внебрачные связи, наркомания, воровство и т.д., воспринимаются как объяснимо-приемлемые для некоторых людей в силу разного рода обстоятельств [Desmond, Caputo 2009; Самедов 2017]. Ситуация плюрализма совпала с новым акцентом на роли мирян в религиозных институтах. «Эпоха мирян» представляет сообщество потребителей и диктует моду на «религиозный продукт». И П. Бергер, и Б. Тернер говорят о «коммерциализации религии», «превращении современных религий в товар». Ситуация «глобализации религиозного благочестия», «демократизации религии» превращает религию в индивидуально-выразимую систему верований и практик, составляющих «новую духовность, существующую за пределами традиционных Церквей» [Штёкль web] и не являющуюся отныне условием решения смысловых проблем и руководством в повседневной жизни [Тернер 2012]. Такие религиозные феномены также могут включать терапевтические или оздоровительные аспекты либо обещание личностного роста посредством медитации. «Например, все религиозные учреждения, ориентированные на верхушку американского среднего класса, вынуждены секуляризовать и психологизировать свою продукцию – иначе их шансы на сбыт резко понижаются. Поэтому даже католический священник в городских предместьях... попытается завязать “диалог” с ближайшим психологом о “религии и душевном здоровье”. Его протестантские и иудейские коллеги давно уже обосновывают всю свою деятельность как род семейной психотерапии. Эта стандартизация религиозного содержания, вызванная давлением потребителя, имеет тенденцию размывать традиционные конфессиональные границы» [Бергер web]. Серьезнейшим проявлением кризиса религии и церкви в обществе постмодерна является «разделение между “религией” и “духовностью»» («коммодификация религиозности») [Тернер 2012].

И.П. Давыдова и И.А. Фадеев обращают внимание на тему «благодатности» Церкви, принципиальную для верующих. В целом на протяжении истории не изменилось представление о «недопустимости считать (кальвинистов и лютеран) церквями» (Т. Бретт), так как они отрицают таинство священства, а «власть возложения рук для рукоположения была установлена апостолами и мужами апостольскими» (Дж. Тэйлор), так что «со времен Апостолов считалось, что таинство Евхаристии должно совершаться только “через руки” специально призванных к этому людей – епископом рукоположенных служителей» (Дж. Кибл); таким образом, «служители “протестантских” церквей, во-первых, не являются действительными служителями Церкви, и, соответственно, во-вторых, не обладают действительными Таинствами» (П. Авис) [Давыдов, Фадеев 2019, 19].

Размывание понятия «церковь» в модерне и постмодерне, придание статуса «церковности» новым протестантским деноминациям ведут к нечеткости понимания «веры», «религии», «религиозности» в сознании современных людей, прежде всего молодежи. В ходе исследования религиозности студентов Нижегородской области в 2015 г. авторы сделали вывод: «У молодежи отношение к религиозным воззрениям и обрядам скорее прагматическое, нежели альтруистическое, для поколения молодых индивидуалистов и эгоистов на первый план вышла “терапевтическая функция веры”, сформировалось представление о религиозных традициях и обрядах как разновидности психотерапии, а не о системе принципов, которая определяет мышление и поведение» [Ивлева, Курилов, Россман 2018, 483]. Опросы, проводимые во Владимирском государственном университете в течение первой трети XXI в., показывают, что корректнее сегодня говорить о преобладании в студенческой среде ВлГУ не «конфессионального» (в строго доктринальном смысле), но «параконфессионального» личного понимания веры и «православия» [Аринин (ред.) 2019].

Христианские церкви и миграционный кризис

Серьезным вызовом современному постмодернистскому политическому проекту стал миграционный кризис. Старой Европе, некогда объединенной религиозной идеей эллинско-христианской цивилизации («гуманизма») перед лицом «варварства» (язычества, ислама и даже православия) впервые приходится отступить от «европоцентризма». Важно заметить, что «религиозность Европы сегодня во многом определяются мигранты» [Лункин 2017, 39]. Однако проблемой является то, что «приезжающие из стран Ближнего Востока не становятся “немцами”, а остаются “мусульманами”, при этом их идентичность – “ислам”» [Вайгель web].

Католическая церковь в энциклике Папы Франциска *Evangelii Gaudium* («О воззвещении Евангелия в современном мире», 2013 г.) «не приемлет глобализацию безразличия, а культуру благосостояния воспринимает как анестезию, позволяющую не думать о нуждах и бедах других» [Evangelii gaudium 2014, 183–184, 189]. «Картография миграции и картография ответов европейских церквей на вызовы миграции» (2016 г.) констатирует, что в 60% европейских церквей мигранты составляют от 6 до 100% прихожан. В Великобритании с конца 2000-х гг. число прихожан новых евангельских церквей возросло [Institute for Public Policy Research 2008]. В 2008 г. среди 4,5 млн жителей Великобритании, родившихся вне Соединенного Королевства, более половины составляют христиане – польские католики и африканские пятидесятники. Посещаемость воскресных служб с 1989 по 2005 г. в Церкви Англии упала на 31%, в католической церкви – на 49%, в пятидесятнических и евангельских церквях – возросла на 22% и 10% соответственно [Muir, Stone].

Христианские церкви выступили в авангарде преодоления отчужденности между гражданами Европы и мигрантами. Успешнее всего действует в этой ситуации ««новое лицо» европейского христианства» – протестантские церкви евангелистского направления (баптисты, пятидесятники, харизматы, евангельские христиане). «Именно эти организации с конца 1990-х – начала 2000-х гг. ассимилируют значительную часть эмигрантов, формируют этнические общины и целые союзы со своей культурой, отличной от той, что характерна для католиков, лютеран, православных» [Лункин, 2017, 51].

Можно выделить основные черты новой церкви и ее веры: 1) это «церковь молодых» (средний возраст прихожан – 20 лет); 2) евангелисты объединяют в братство людей разных наций, социальных слоев, профессий; 3) «евангелисты верят и демонстрируют это»; 4) проповедь «прямого вмешательства Бога в повседневную жизнь людей»; 5) «богословие процветания», согласно которому верующему обещают здоровье и богатство «от Бога», приходы предоставляют помощь в решении социальных проблем; 6) «современная проповедь»: под танцевальную музыку, огни диско; 7) евангельские «этнические церкви» дают возможность сохранять мигрантам (африканцам, южноамериканцам) язык и культуру своих стран; 8) теплая атмосфера на собраниях прихожан.

Постмодернистский религиозно-философский подход разделяют некоторые христианские церкви протестантского направления. Например, человек должен жить в гармонии с самим собой и с порывами своей души (унитарийская церковь). По мнению адептов, все положения мировых религий и философий являются истинными. Достаточно того, чтобы человек следовал избранному им пути. Таким образом, под воздействием миграционного кризиса деятельность церковных институтов все более модернизируется, и прихожане все меньше могут видеть различия между «традиционной» и «нетрадиционной» религиозностью. Можно сказать, что, занимаясь «мирскими делами» (трудоустройством мигрантов, репатриацией, социальным обеспечением) и т.п.), Русская православная церковь, как и католическая церковь, уходит от «духовного запроса». И это, на наш взгляд, очень серьезная проблема общества постмодерна.

Религиозно-философская модель «странничества» И.В. Гёте

Гёте – великий гуманист эпохи Просвещения – сожалел о «вынужденном странничестве», вызванном научно-техническим прогрессом, верил, что «внук вернется под отцовские липы» [Шадрина 2010, 130]. Разрушение Религиозной Традиции, патриархальной иерархии происходит под «фаустовским напором». В финале «Фауста», планируя «лучшее будущее» для человечества, отвоевывая землю у моря, старец Фауст забывает, что он всего лишь человек, и не может «отменять» веру отцов, устанавливая собственные правила. Какие бы гуманные замыслы он ни лелеял, ему «уже роют яму» – за стариков, дороживших своим домом и Церковью, и за Гретхен, у которой он отобрал «мещанские ценности»: церковный брак, семью, родню. Он «выше» всего этого, но именно ее любовь и вера спасают его в финале космической трагедии, в которой Фауст – воплощение всего человечества, и он «раб Божий».

Великий поэт, философ, министр предчувствует наступление эпохи «крайнего субъективизма» и настаивает, что необходимо держаться «классического», то есть традиционного, «здорового», и сторониться «романтического» («больного»), субъективирующего «архетипическое», подлинное, истинное (не отменяемое «мнениями»). Задача человека – согласовать свое «мгновение» жизни с этим «вечным», жить в «унисон», а не «вопреки». Поэтому для русских символистов Серебряного века Гёте был и источником глубочайших интуиций, с одной стороны, и учителем-классиком – с другой; от него хотелось убежать в мир «идеального», «грядущего», «футуристического». Известно, что Модерн (а значит, и постмодерн) – продолжение романтизма. Немецкие романтики с восхищением восприняли роман Гёте о «странствиях Вильгельма Мейстера» – но насколько по-разному видели модернисты и Гёте цель и религиозный смысл «странничества»! Интеллектуальный роман XX в., адаптируя различные религиозно-философские доктрины, продолжит галерею «странников» на пути к Истине: Сиддхартха, Кнехт, Сван, доктор Фаустус, Оруаль...

Сквозь «Я» говорит время, но «Я» и «Время» часто не совпадают, поэтому быть слишком современным – идеалистическое заблуждение, которое, к сожалению, поддерживается в современной философии; не всё, что проповедует то или иное «Я», есть подлинное выражение единства и органичной цельности макрокосма и микрокосма. Согласовать миры – задача человеческой личности и призвание воспитания, опирающегося на знание традиции [Шадрина 2010]. «Истинная религия, которую проповедуют в «Педагогической провинции», состоит из трех «религий»: этнической (языческой), которая учит «преклонению перед тем, что выше нас»; философской, учащей «благоговению перед равными себе»; христианской – высшей ступени, которая «учит благоговению перед тем, что ниже нас», то есть умению принять страдание и смерть с любовью и обрести через такое преодоление истинную духовность и подлинную святость. «Религия откровения» для Гёте существует совершенно актуально, поскольку «христианская религия, раз появившись, уже не может раствориться в ничто» [Гёте 1979, 139]. В философии Гёте «странник» должен быть способен выжить и остаться человеком в любых условиях, в обществе распадающихся

«домашних ценностей», одиночества и социально-политического насилия (войны, революции, кризисы). Оторванность от «своей земли», «своего дома» может быть как прямой, так и переносной, символической, как переход из «материнского» и «отчего» («защищенного») в анонимный «отчужденный мир», в котором выживание и реализация личности зависит от ее умения сохранить целостную (нравственную) природу. Гете вспоминал: «Шиллер был недоволен моей терпимостью ко всему, моим поощрением даже того, что мне не нравилось» [Гёте 1949, 581]. «Странничество» должно было завершиться обретением широкого сравнительного взгляда на неустрашимое многообразие локальных форм «благоговейности», при этом для Гёте-министра было очевидно, что и «религиозное смятение» не может быть общественной нормой, что индивидуально-личное мировоззрение формируется только в контексте традиции, обретение гармонии с которой не сводится к следованию тем или иным устоявшимся и закостеневшим «оформленным» интерпретациям, ограничивающим свободу приобщения к тайне бытия. Духовное странничество великого немецкого поэта предполагало возможность диалога с иными культурами. Она позволяет сохранить и преумножить христианскую культуру, основанную на вере в добро, любовь, милосердие как сущность мироздания, и является бесконечно лучшей силой цивилизационного развития, чем вражда, непримиримость, изоляционизм, злоба, неумение и нежелание слушать и слышать другого.

Заключение

Постмодерн в постсекулярном философском дискурсе делает ставку на «светскую религию», религию не для всех, по-прежнему оставляя за ней исключительно сферу приватного. Однако такая «индивидуализация» (приватизация) религии может принести благоприятный результат только в условиях «всеобщего гуманизма», высоких моральных стандартов (пристекающих из христианского прошлого европейской цивилизации), но в «обществе мирян» возникают (на всех социально-политических уровнях) ситуации, когда «соображения потребительского комфорта» вытесняют мораль, нравственность, духовность на периферию жизни. Ставка на индивидуально-религиозный консьюмеризм противоречит христианской культуре: «Не можете служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24, Лук. 16:13). Постмодернистский романтизм может прийти к тотальному отрицанию, сделав моральные категории относительными, не обязательными для индивидов, – но тогда что это, как не философское обоснование варваризации мира? Современная ситуация миграционного кризиса весьма соответствует распространению экуменических взглядов в духе «шейлаизма» и «межконфессионального странничества», имеющих предысторию в периодах Ренессанса, европейского Просвещения и Модерна, причем размывание понятия «церковь» и церковных догматов, а также придание статуса «церковности» новым протестантским деноминациям ведет к нечеткости осознания понятий «веры», «религии», «религиозности» в сознании современных людей, прежде всего молодежи, к поддержке «бедной религии» и «слабой теологии».

Модель «странничества» Гёте, оберегающая личную свободу, право на религиозное самовыражение, индивидуальную творческую деятельность – все то, что особенно важно для нового общества XXI в., – является реальной альтернативой постмодернистской религии как мировоззрению. Она требует осознания традиции как «актуально существующей», не могущей «раствориться в Ничто», однажды возникнув, гармонизирует «мир предков» и «мир потомков», выводя мировоззрение на «срединный» путь зрелого человека.

Источнику – Primary Sources and Translations

Evangelii Gaudium 2014 – Апостольское обращение Evangelii Gaudium о возвещении Евангелия в современном мире. М.: Издательство Францисканцев, 2014 (Apostolic exhortation *Evangelii Gaudium* by Pope Francis, Russian Translation).

- Бергер web – Бергер П. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. 2003. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2003/6/religiya-i-problema-ubeditelnosti.html> (Berger, Peter, *Secularization and the Problem of Plausibility*, Russian Translation).
- Гёте 1949 – Гёте И.В. Письма: вторая часть // Гёте И.В. Собр. соч. В 13 т. Т. 13 / Пер. с нем.; ред., предисл., коммент. Н.Н. Вильмонта. М.: Государственное изд-во художественной литературы, 1949 (Goethe, *Briefwechsel*, Russian Translation).
- Гёте 1978 – Гёте И.В. Избирательное родство // Гёте И.В. Собр. соч. В 10 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1978. С. 223–473 (Goethe, *Die Wahlverwandschaften*, Russian Translation).
- Гёте 1979 – Гёте И.В. Годы странствий Вильгельма Мейстера, или Отрекающиеся // Гёте И.В. Собр. соч. В 10 т. Т. 8. М.: Художественная литература, 1979 (Goethe, *Wilhelm Meisters Wanderjahre oder die Entsagenden*, Russian Translation).
- Жильсон 1995 – Жильсон Э. Философия и теология. М.: Гнозис, 1995 (Gilson, Étienne, *Le Philosophie et la Théologie*, Russian Translation).
- Кассирер 2004 – Кассирер Э. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН, 2004 (Cassirer, Ernst, *Die Philosophie der Aufklärung*, Russian Translation).
- Кон 2005 – Кон И. «Страннические годы Вильгельма Мейстера» (их смысл и значение для нашего времени) // Логос: международный ежегодник по философии культуры, 1910. Репр. изд. М.: Прогресс-Традиция, 2005. Кн. 2. С. 115–154 (Cohn, Jonas, *Wilhelm Meisters Wanderjahre, ihr Sinn und ihre Bedeutung für die Gegenwart*, Russian Translation).
- Радищев 1938 – Радищев А.Н. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений // Радищев А.Н. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1938 (Radishchev, Alexander, *The Life of Fedor Vasilyevich Ushakov, with the Introduction of Some of his Works*, in Russian).
- Berger Peter L. (1963) “A Market Model for the Analysis of Ecumenicity”, *Social Research*, Vol. 30 (1), pp. 77–93.
- Berger, Peter L. (1999) “The Desecularization of the World: A Global Overview”, Berger, Peter L., ed., *The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics*, Ethics and Public Policy Center, Washington, DC.
- Berger, Peter L., Luckmann, Thomas (1966) “Secularization and Pluralism”, *International Yearbook for the Sociology of Religion*, Vol. 2, pp. 73–86.
- Institute for Public Policy Research (2008) *Faith, in the nation: Religion, identity, and the public realm in Britain today*, 08.12.2008. URL: https://www.ippr.org/files/images/media/files/publication/2011/05/Faith%20in%20the%20Nation%20introduction_1667.pdf
- Luckmann, Thomas (1967) *The Invisible Religion*, Macmillan, New York.

Ссылки – References in Russian

- Аринин (ред.) 2019 – Религия как политические и политологические проекты (религиоведческий анализ) / Под ред. Е.И. Аринина. Владимир: Аркаим, 2019.
- Вайгель web – Вайгель Дж. Две культурные войны в Европе // Русский журнал. 25.03.2006. URL: http://www.perspektivy.info/book/dve_kulturnyje_vojny_v_jevrope_2007-01-31.htm
- Давыдов, Фадеев 2019 – Давыдов И.П., Фадеев И.А. Первоначальный смысл термина «протестантизм»: историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. Т. 65. № 5. С. 5–25.
- Ивлева, Курилов, Россман 2018 – Ивлева М.Л., Курилов С.Н., Россман В.И. Религиозные ценности глазами молодежи: опыт социологического исследования // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 3. С. 481–493.
- Капуто 2011 – Капуто Дж. Как секулярный мир стал постсекулярным // Логос. 2011. № 3 (82). С. 186–205.
- Кузьмина, Фазлеева 2017 – Кузьмина Е.В., Фазлеева Р.Р. Постсекулярность: тенденции анализа феномена в современных религиоведческих исследованиях // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 8 (82). С. 106–112.
- Лункин 2017 – Лункин Р.Н. Европейские христианские церкви перед лицом миграционного кризиса // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 2. С. 37–61.
- Позняк web – Позняк О.С. Христиане Великобритании чувствуют себя маргиналами // НГ Религии. 02.08.2017. URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2017-08-02/12_425_england.html?id_user=Y
- Самедов 2017 – Самедов Э. О постмодерне в религии // Вопросы философии. 2017. № 10. С. 206–210.

Смирнов (ред.) 2011 – Глобальная безопасность: инновационные методы анализа конфликтов / Под ред. А.И. Смирнова. М.: Общество «Знание» России, 2011.

Тернер 2012 – Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30). С. 21–51.

Фазлеева 2016 – Фазлеева Р.Р. «Бедная» вера как минимум религиозности в постсекулярном российском обществе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (66). В 2 ч. Ч. 1. С. 186–188.

Шадрина 2010 – Шадрина О.Н. Вселенная Гёте. Опыт социально-философского и феноменологического анализа. Архангельск: Поморский университет, 2010.

Штёкль 2011 web – Штёкль К. Возвращение религии в социальную науку и политическую философию. Научный Богословский Портал bogoslov.ru, 23.02.2011. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/863182.html>

Эпштейн web – Эпштейн М.Н. Пост-Атеизм, или Бедная религия // Октябрь. 1996. № 9. С. 158–165. URL: <https://magazines.gorky.media/october/1996/9/postateizm-ili-bednaya-religiya.html>

Эпштейн 2013 – Эпштейн М.Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. М.: АСТ-Пресс, 2013.

References

Arinin, Evgeniy I., ed. (2019) *Religion as projects in politics and political sciences*, Arkaim, Vladimir (in Russian).

Caputo, John (2001) “How Secular World Became Post-Secular”, Caputo, John, *On Religion*, Routledge, London & New York, pp. 37–66 (Russian Translation).

Davydov, Ivan P., Fadeyev, Ivan A. (2019) ‘Initial Sense of the Term “Protestantism”: A Historical and Philosophical Study’, *Novaya I noveishaya istoriya*, Vol. 65, No. 5, pp. 5–25.

Desmond, William, Caputo, John D. (2009) *Religion, Ethics and Postmodern*, Simpson, Christopher B., ed., Indiana University Press, Indiana.

Epstein, Mikhail N. (1996) “Post-Atheism, or Poor Religion”, *Oktyabr’*, No. 9, pp. 158–165 (in Russian).

Epstein, Mikhail N. (2013) *Religion After Atheism. New Possibilities of Theology*, AST-Press, Moscow (in Russian).

Fazleeva, Regina R. (2017) ““Poor” Faith as Minimum of Religiosity in Post-Secular Russian Society’, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, Vol. 4 (66), Part 1, pp. 186–188.

Grace, Davie (1994), *Religion in Britain since 1945: Believing Without Belonging*, Blackwell, Oxford.

Ivleva, Marina L., Kurilov, Sergei N., Rossman, Vadim J. (2018) “The Youth’s Perception of Religious Values: a Sociological Study”, *Vestnik RUDN, Seriya: Sotsiologiya*, Vol. 18, No. 3, pp. 481–493.

Kuz'mina, Elena V., Fazleeva, Regina R. (2017) “Post-Secularity: Trends of the Phenomenon Analysis in Modern Religious Studies”, *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, Vol. 8 (82), pp. 106–112.

Lunkin, Roman N. (2017) “European Christian Churches in the Face of Migration Crisis”, *Vestnik moskovskogo universiteta, Seriya 25, Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, Vol. 2 (2017), pp. 37–61.

Muir, Rick, Stone, Lucy (2007) *Who are we? Identities in Britain*, IPPR, London, URL: https://www.ippr.org/files/images/media/files/publication/2013/04/who%20are%20we_1563.pdf

Poznyak, Olga S. (2017) “Christians in Great Britain feel themselves marginalized”, NG Religions, 08/02/2017, URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2017-08-02/12_425_england.html?id_user=Y (in Russian).

Rorty, Richard, Vattimo, Gianni (2005) *The Future of Religion*, Columbia University Press, New York.

Samedov, Elsever (2017) “On Postmodernity in Religion”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 10, pp. 206–210 (in Russian).

Shadrina, Olga N. (2010) *Goethe’s Universe. An Socio-philosophical and Phenomenological analysis*, Pomor University, Arkhangelsk (in Russian).

Smirnov, Anatoliy I., ed. (2011) *Global Security: Innovative Methods of Conflict Analysis*, Znanie, Moscow (in Russian).

Stoeckl, Kristina (2011) *The Return of Religion to social science and political philosophy*, URL: <http://www.bogoslov.ru/text/863182.html> (in Russian).

Turner, Bryan S. (2010) “Religion in a Post-secular Society”, *The New Blackwell Companion to the Sociology of Religion*, Wiley-Blackwell, Hoboken, New Jersey, pp. 649–667 (Russian Translation).

Weigel, George (2005) *The cube and the cathedral: Europe, America, and Politics Without God*, Basic Books, New York (Partial Russian Translation).

Сведения об авторе

ШАДРИНА Ольга Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Высшей школы социально-гуманитарных наук и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

SHADRINA Olga N. – CSc in Philosophy, Associate Professor, Department of Regional Studies, International Relations and Political Science of the Higher School of Social Sciences, Humanities and International Communication, Northern (Arctic) Lomonosov Federal University.